

"Материальный поворот" в неформальной экономике: китайское присутствие в сельском хозяйстве Сибири

Юлия Олеговна Корешкова
Университет Палацкого
Оломоуц, Чехия, yuliakodzhaeva@yandex.ru

Аннотация. Автор данного исследования предпринимает попытку в рамках концепции неформальной экономики применить подход "материального поворота" – теорию ассамбляжей М. Деланда – к исследованию китайского присутствия в сельскохозяйственной сфере в Сибири. В статье будет показано, как вследствие неолиберальных реформ 90-х гг. разваленные сельскохозяйственные связи и заброшенные объекты инфраструктуры, будучи исключенными из формальных процессов, производственных цепочек и сетей, находят свое второе рождение в поле неформальной экономики. По законам рыночной самоорганизации бывшие колхозные участки, а в настоящее время "китайские" хозяйства, становятся уникальными местами смешения людей, объектов, технологий – действующими акторами, встроенными в транснациональные, транслокальные и локальные сети. **Ключевые слова:** неформальная экономика, теория ассамбляжей, социоматериальные сети, сельское хозяйство, китайское присутствие, Сибирь

Данное исследование было профинансировано за счет грантов Европейского фонда регионального развития "Sinophone Borderlands – Interaction at the Edges" CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791 и Министерства образования, молодежи и спорта Чехии (IGA_FF_2023_056).

Для цитирования: Корешкова Ю. О. "Материальный поворот" в неформальной экономике: китайское присутствие в сельском хозяйстве Сибири // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 51–62. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/51-62>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/51-62>

The "material turn" in the informal economy: China's Presence in Siberian Agriculture

Iulija O. Koreshkova
Palacky University,
Olomouc, Czech Republic, yuliakodzhaeva@yandex.ru

Abstract. The author of this study attempts to apply the "material turn" approach – M. Delanda's Assemblage Theory – to study the Chinese presence in the agricultural sphere in Siberia within the framework of the concept of the informal economy. The paper will demonstrate how, as a consequence of the neoliberal reforms of the 1990s, the collapsed agricultural networks and abandoned infrastructure have been excluded from formal processes, production chains, and networks and have found their second birth in the field of the informal economy. According to mechanisms of market self-organization, former collective farms and, at present, "Chinese" farms have become unique places of assembly of people, objects, and technologies – acting actors embedded in transnational, trans-local, and local networks.

Key words: Informal economy, Assemblage theory, sociomaterial networks, agriculture, Chinese presence, Siberia

The funding for the present research paper was provided by the European Regional Development Fund Project 'Sinophone Borderlands – Interaction at the Edges', CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791 and the Czech Ministry of Education, Youth and Sports for specific research (IGA_FF_2023_056).

For citation: Koreshkova I. O. The "material turn" in the informal economy: China's Presence in Siberian Agriculture // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 51–62. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/51-62>

Местами полуразрушенная узкая асфальтированная дорога сворачивала с пригородной трассы и отделяла жилую часть сибирской деревни от участков недавно вспаханных полей. По одному из них неспешно ездил старый трактор синего цвета, обработавшая оставшиеся невспаханные куски земли. На пригорке со стороны полей возвышалось сооружение, конструкция и внешний вид которого выдавали его советское происхождение. Бывшие коллективные хозяйства в сельской местности зачастую выглядят как руины – полуразрушенные останки советского прошлого [16]. Поэтому ухоженные советские постройки, создающие впечатление благополучной деревенской жизни, вызвали у нас удивление своей нетипичностью для сельской местности постсоветской России. Еще более неожиданным оказалось то, что эти постройки являются частью "китайского" хозяйства по производству овощей, куда мы и направлялись. Свернув на проселочную дорогу и поднявшись на пригорок, мы с водителем увидели въезд на территорию. Оказавшись внутри, мы обнаружили слаженное агропоселение-производство. Время близилось к шести часам вечера, на полях совместно трудились китайские и узбекские работни-

ки¹, а также местные – жители близлежащих деревень. В теплицах китайцы занимались сбором огурцов, молодые узбеки перевозили собранный урожай на маленьких автоприцепах в склад, в столовой узбекские и китайские женщины готовили ужин в большом казане.

Такого рода мини поселения, базирующиеся на землях бывших колхозов и совхозов Восточной Сибири, местные жители маркируют как "китайские". "Китайскость" в данном контексте определяется, прежде всего, соответствующим взглядом и восприятием местного населения [1; 2; 8; 12; 24]. В отношении сельскохозяйственных производств это проявляется в виде алармистских дискурсов в бинарной логике "свой-чужой". Предприятия и их сотрудников наделяют качествами опасности, маргинальности и нелегальности, видя в них потенциальную угрозу, исходящую от непонятого Другого. Поводом для этого становится небезосновательно распространенная среди местных информация, что предприятия *de jure* не существуют, и ведут они свою деятельность неформально [6]. Однако, если посмотреть на описанное выше хозяйство, выделяя его отдельные компоненты: бывшие советские колхозные земли, местная и китайская инфраструктура и техника, преобладающее количество работников из стран Центральной Азии, местные работники, китайские работники, – мы не находим "китайского ядра", которое давало бы повод для подобной идентификации. При этом обнаруживаем локализованные экс-советские объекты, задействованные в "китайских" производствах. Таким образом, перед нами предстает особый объект наблюдения [39], который, с одной стороны, представляет собой сложную сборку гетерогенных социоматериальных сетей и акторов, с другой стороны, находится в поле неформальной экономики. Поэтому в настоящем исследовании представленный эмпирический случай будет рассмотрен и описан через призму концепции неформальной экономики с применением подхода "материального поворота". Будет предпринята попытка осмыслить роли материальных компонентов в существующих процессах, а также дать ответы на следующие вопросы. *Что нам удастся обнаружить или понять, применяя подход "материального поворота", в частности, теорию ассамбляжей в рамках неформальной экономики на примере китайского присутствия в сельском хозяйстве Сибири? Что дает такой подход в исследованиях неформальной экономики в целом?*

Одним из ключевых, объединяющих обе оптики, является понятие самоорганизация (*self-organization*). В исследованиях неформальной экономики речь идет о "самоорганизации людей, которые были исключены из участия в льготах, гарантированных государством, и которые создали свои собственные способы выживания" [38]. В зависимости от исторических, культурных и социо-экономических контекстов исследуемых кейсов преобладали различные способы самоорганизации, среди которых выделяли самозанятость (*self-employment*) [33], самообеспечение (*self-provisioning*) [34; 40; 41; 43], самосохранение (*self-preservation*) и самопомощь (*self-help*) [38]. Однако, во-первых, описанные способы подчеркивали роль индивидуальных стратегий выживания без акцента на неформальные аспекты самоорганизации рыночного производства и торговли [22]. Во-вторых, они были представлены в бинарной логике, в рамках "дуалистической модели", противопоставляя формальное и неформальное, государственную бюрократию и народную самоорганизацию; сохраняли акцент на ограничениях, вводимых формальными государственными институтами, определяющими границы включения акторов в формальное поле [30; 37; 42; 45]. Неолиберальная политика конца прошлого века и ее последствия способствовали развитию, смешению и сосуществованию многообразных форм экономической жизни с участием самоорганизованных групп. Сложные социальные сборки возникали и воспроизводились с целью выжи-

¹ Определение работников как "китайских" или "узбекских" в данном контексте происходит не от этнического происхождения, а от такой их идентификации и маркированности местными жителями в повседневных дискурсах. В случае с "китайцами" ключевым фактором становится страна исхода – Китай. В случае с "узбеками" это связано даже не с фактическим приездом из Узбекистана, а представляет собой "собирательное определение трудовых мигрантов из постсоветских центральноазиатских стран" [7].

вания² в новых условиях [46]. Однако по-прежнему отличительной особенностью неформальной экономической сети выделяли "позицию участников и их способности к самоорганизации и коммуникации" [5], тем самым определяя людей как основных акторов взаимодействий. При этом теории "материального поворота" предлагают исследовать самоорганизацию (не)человеческих акторов или, другими словами, социоматериальные сети.

В теории ассамбляжей Деланда [31] демонстрирует самоорганизацию множественных связей социоматериальных акторов в воспроизводимые сборки и сети. Он вводит понятие ассамбляжа, подразумевая сборки, "состоящие из частей, которые являются самосуществующими и сочлененными отношениями внешности, так что часть может быть отделена и сделана компонентом другой сборки". Что он под этим подразумевает? Во-первых, речь идет о самодостаточности компонентов ассамбляжа, то есть отдельные анализируемые элементы и совокупности одновременно и в разные моменты времени могут быть участниками других ассамбляжей. Во-вторых, учитывает разнородность компонентов ассамбляжа, в который могут входить как человеческие, так и нечеловеческие компоненты. Главным условием здесь является способность элементов к перформативному отношению, или в терминах Деланды – реализации "способностей к взаимодействию". Во-третьих, он подчеркивает, что такого рода отношения экстериторны, то есть компоненты могут свободно включаться и выключаться из взаимодействий, что открывает пространство возможностей. Два и более различных индивида, находясь по соседству, либо вступают, либо не вступают в отношения какого-либо типа. При этом гетерогенность совокупностей делает структуру вариативной и эмерджентной, участники которой в ходе совместных практик принимают решения, которые приводят к новым ситуациям и отношениям. Важно подчеркнуть, что Деланда ставит генезис выше полностью сформировавшихся индивидов³. Таким образом, он делает акцент на постоянной трансформации, рассматривая сборки как непрерывный самоорганизующийся исторический процесс. Все перечисленные характеристики обуславливают понятие "плоской онтологии", которая не противопоставляет элементы друг другу, не выстраивает иерархий, а демонстрирует силу их взаимодействий, связи и отношения, которые способствуют (де)территоризации ассамбляжа. Такой подход позволяет, во-первых, подойти к анализу представленного далее случая, избегая бинарной логики, где, скажем, государство не противопоставляется акторам, действующим в неформальном поле, а становится еще одним действующим элементом сборки. Во-вторых, делает возможным понять роль и значение материальных объектов в самоорганизации неформальных сетей.

Настоящая работа начинается с описания "китайской" локации, которая представляет собой самоорганизацию человеческих и нечеловеческих акторов. Как будет показано далее, ассамбляжный стиль мышления позволяет на примере конкретного случая показать, как эта совокупность приобретает новую силу и меняется вслед за меняющимися формами отношений; как материальные объекты приобретают статус агентных, где под "агентством мы подразумеваем способность что-то делать, влиять и быть затронутым" [35]. Как "ассамбляжи людей и вещей" обнаруживают иную логику существования в отдалении от капиталистических "центров" [46].

Когда речь идет о китайском присутствии в постсоветской России, сложность материальных, социальных и экономических связей, создаваемых в результате возникновения новых "китайских" локаций, хорошо представлена в работах, посвященных этническим базарам [11; 12]. По мнению Бляхера [4], в этих работах исследователи учитывают структурные особенности и принципиальный синкретизм локаций, а также успешно обнаруживают новые подходы к исследованию данного феномена и сопутствующим ему взаимоотношениям. Однако все еще немного таких работ в отношении китайского присутствия в сфере сельского хозяйства, что можно объяснить их удаленностью и сложным доступом к объектам изучения, располагающихся в сельской местности

² Под выживанием подразумевается не "попытка выжить, находясь на минимальном уровне существования, а выживание как попытка воспроизводиться" [46].

³ Каждый ассамбляж определяется как отдельный индивид (Деланда).

и пригородах. Перспектива понимания китайского присутствия в сельском хозяйстве меняется и углубляется с появлением работ, комбинирующих этнографию и теории "материального поворота" [47]. В сибирском регионе Григоричев рассматривает "китайские" теплицы с позиции акторно-сетевой теории. Он демонстрирует, что как самостоятельные актанты тепличные хозяйства встраиваются в общую систему транслокальных сетей и средство модернизации пригородных территорий [6]. Рыжовой и Иванову в их работе удается учесть гетерогенность самого объекта, а также сложный ландшафт смешанных, разнообразных форм экономической жизни. С помощью метода объектно-ориентированной социологии (на основе социальной топологии Молл и Ло) они дают объяснение наблюдаемому эффекту одновременного присутствия и отсутствия Китая в сельском хозяйстве России [44]. Демонстрируют, как различные формы экономической жизни не развиваются как "российские" или "китайские", а представляют собой пучок капиталистических и некапиталистических отношений, которые постоянно меняются и переписываются, а также показывают, как такой эффект повлиял на постсоветские аграрные преобразования в регионе российского Дальнего Востока. В исследованиях автора это также не первый опыт применения сочетания методов этнографии и теорий "материального поворота". Совместно с Григоричевым мы уже рассматривали возникновение сложных отношений вокруг цепочек производства и поставок сельскохозяйственной продукции "китайских" теплиц в сибирском пригороде, используя теоретическую оптику Деланда. Посредством чего нам удалось обнаружить и продемонстрировать скрытые на первый взгляд связи "китайских" акторов с местными жителями и властями. Мы показали, что для локальных акторов это становится возможностью интегрироваться в капиталистические отношения через продажу символического ресурса "местность". В случае китайских акторов, материальные компоненты ассамбляжа позволяют приобретать символический ресурс "местности" и встраиваться в сетевое пространство "местного капитализма" [36].

Возникновение обнаруженных переплетений социоматериальных акторов стало возможным на руинизированном постсоциалистическом ландшафте – пространстве разрушенных сельскохозяйственных сетей – после развала Советского Союза и реализации неолиберальных реформ [3; 21; 25; 26; 27]. В 90-е годы в Сибири и даже еще в 80-е годы на Дальнем Востоке России советские совхозы и колхозы нанимали рабочих из Китая для компенсации сокращающегося резерва местной городской рабочей силы [19], подобным образом пытаясь восполнять разрушенные участки ранее существовавшего сетевого пространства за счет включения новых акторов. Однако такие практики не имели долгосрочного успеха, так как процессы руинизации приобрели необратимый характер на национальном и локальном уровнях. Причем если люди каким-то образом пытались включаться в новообразующиеся сети или выживать в существующих, то объекты инфраструктуры, исключенные из производственной сельскохозяйственной цепи, буквально массово превращались в руины.

Упомянутые процессы руинизации отчасти способствовали китайскому присутствию в сельскохозяйственной сфере в Сибири. "Китайские" хозяйства формировались на территориях бывших колхозов и совхозов, где обветшавшие остатки советской сельскохозяйственной инфраструктуры играли немаловажную роль, становились организационным базисом и ядром новой сборки, объединяя вокруг себя человеческих акторов, местные и мигрантские сети. Такие предприятия начали свою самостоятельную деятельность в начале 2000-х гг. [7]. За более чем пятнадцатилетний период их существования экономические условия и местная политика в отношении их деятельности менялись. Как следствие, сами предприятия с китайским капиталом, скрываясь от государственного ока, перестраивались, выживали и продолжали свою деятельность в тени [14; 15; 23]. Таким образом, целью данной работы является попытка описать самоорганизующиеся социоматериальные сети в рамках концепции неформальной экономики на примере китайского присутствия в сельскохозяйственной сфере в Сибири, а также показать значительную роль и влияние нечеловеческих акторов сети.

Эмпирический раздел статьи состоит из материалов полевых исследований, проведенных в регионе Восточной Сибири в период 2018–2022 гг. Дан-

ные включают в себя серии полуструктурированных интервью, включенное наблюдение, а также сюжеты из региональных СМИ за период 2000–2022 гг.

"Китайский" ассамбляж на советских руинах

Распад СССР и последующие неолиберальные реформы спровоцировали масштабную пересборку социальных, экономических и материальных связей. Советская неповоротливая агросеть, обширно раскинувшаяся по территории всей страны, включающая в себя колхозы, совхозы, аграрные техникумы и др., на практике не могла стремительно перестроиться на новый лад [25]. Провозглашение перехода к рынку на первых этапах и не предполагало незамедлительного разукрупнения предприятий, однако исключало важные компоненты привычной сборки. Так, например, некоторые государственные сельскохозяйственные организации оказались в ситуации острой нужды в рабочей силе в производстве плодовоовощных культур. В советский период на высадку и сбор овощей, на работу в полях обычно направлялись работники шефствующих предприятий, студенты ВУЗов и техникумов, школьники [28]. Практика привлечения городского, в частности молодого, населения на работы в полях имела распространенный характер и была обязательной [10], но после реформ перестала существовать. Такое положение дел вызвало необходимость включения новых акторов, способных исполнять роли тех, чье участие в предлагаемых условиях стало невозможным. Поэтому крупные хозяйства-производители, желающие продолжать свою деятельность, были вынуждены искать рабочую силу на стороне. Нехватка людей в секторах экономики, где возникла необходимость выполнять ручную трудоёмкую работу, стала ощутимой на Дальнем Востоке ещё в 80-е годы. Выходом для работодателей стало привлечение китайской рабочей силы. Китайские овощеводы оказались намного более организованными, дисциплинированными и менее прихотливыми работниками в сравнении с советскими школьниками [13]. Перенимая опыт соседних регионов, некоторые сибирские предприятия в начале 90-х годов также стали приглашать на работу жителей Поднебесной.

На волне трудовой миграции из Китая в начале 2000-х годов в Сибири появилась новая категория экономических мигрантов – китайские аграрные предприниматели. Их частные производства постепенно разрастались и пересобирались вокруг заброшенных участков бывших коллективных хозяйств. Некоторые из них продолжают свою деятельность и в настоящее время. В данном разделе на примере "китайского" тепличного хозяйства, с описания которого начинается настоящая статья, я продемонстрирую, как переплетались и трансформировались китайские и местные сети вокруг и внутри этих хозяйств с начала 2000-х гг. Кроме того, покажу, как в процессе конъюнктурных изменений включались новые участники, что способствовало выживанию и воспроизводству сборки "китайского" ассамбляжа, а также какую роль исполняют материальные акторы в этих процессах.

Один из китайских аграрных предпринимателей волны 2000-х почти двадцать лет занимается выращиванием овощей в упомянутом ранее поселении. В советское время эти земли принадлежали государству, и на их территории находился колхоз. После аграрной реформы 90-х годов этот участок земли по распределению перешел во владение местного чиновника. Первое время после приватизации он сдавал участок в аренду местным жителям, однако послереформенное социально-экономическое положение жителей района [26] не позволяло им заниматься самостоятельным производством в новых рыночных условиях, и земли стали простаивать. Пустующий участок земли с ветшающей инфраструктурой привлек внимание китайского агрария, и он взял его в арендное пользование по договору вместе с имеющейся техникой и постройками. Таким образом, постепенно вокруг участка складывался ассамбляж, включающий в себя человеческих акторов: китайские предприниматели, китайские, узбекские и местные рабочие, арендаторы и собственники земли, представители местной власти, местные жители, – а также нечеловеческих: бывшая колхозная инфраструктура и техника, новые "китайские" постройки и техника, орудия труда и др.

Возникновение и расширение хозяйства можно наблюдать с помощью программы Google Earth Pro. В начале 2004 года на снимках можно увидеть только пустующие поля и старые советские постройки, а в период с 2005 по

2015 г. можно наблюдать постоянный процесс застройки – появляются скважины для полива, жилые бараки для работников, подземные овощехранилища, растет количество теплиц, увеличивается площадь возделываемых открытых полей. С одной стороны, наличие бывших колхозных сооружений и техники обусловило выбор данного места для производства, с другой стороны, применение китайских аграрных технологий и необходимость обустройства быта "по-китайски" привели к строительству новых. Таким образом, на протяжении всего времени существования производства просматривается устойчивое смещение и взаимовлияние "китайских" новоделов и бывших советских объектов. Последние одновременно играют важную материальную роль, территорируя "китайский" ассамбляж, получают при этом второе рождение и переписывают свою биографию в несколько иных качествах в новых условиях.

Ключевую роль в процессах производства и сбыта продукции играет бывший советский склад. Во-первых, он хорошо просматривается с дороги, однако находится за пределами скрытых за пригорком производственной и жилой частей, что позволяет хозяйству одновременно оставаться видимым и невидимым. Во-вторых, его местоположение определяет, как внутреннюю деятельность хозяйства – организацию труда, внутреннюю логистику и местоположение теплиц, так и внешнюю – выполняя не только функцию хранения, но и сбыта готовой продукции оптом. Таким образом, склад становится важным компонентом социоматериальной сети, объединяющим и опосредующим сложную внутреннюю сборку, встраивая ее во внешние локальные и транслокальные сети.

Необходимость и желание оставаться недоступными для наблюдений, в том числе в физическом пространстве, объяснимы сложными переплетениями неформальных связей, образующими и образующимися внутри и вокруг производства. На первоначальном этапе организации у китайских предпринимателей возникает потребность во включении в местные неформальные сети по вопросам аренды и землепользования – "нет земли, нет производства". Для этого существует несколько вариантов: с помощью долговременно проживающих в России китайских родственников, посредством WeChat групп, а также на сайте Avito⁴. Договор, как правило, оформлен на местное российское лицо, которое номинально является владельцем производства, такая практика применяется и в описываемом здесь случае. Условия аренды китайский предприниматель обговаривает самостоятельно, что не вызывает сомнений, кто настоящий арендатор, de jure не фигурирующий на бумагах. Существуют разные точки зрения о причинах происходящего. Китайские аграрии говорят о том, что вести деятельность открыто им мешают языковой барьер и незнание законодательства. Государственные контролирующие органы видят в этом их попытку уйти от ответственности за правонарушения.

Другим фактором, провоцирующим оставаться в тени, является изменчивость и неопределенность экономической ситуации и политики в отношении китайского присутствия в регионе, отчасти спровоцированные самими китайскими акторами, желающими обойти формальные правила. В начале своей деятельности китайский предприниматель привозил рабочие бригады из Китая, частично обходя закон для экономии средств. Для работы на земле в сезон требуется около 100 человек, официально оформляли только шестую часть – примерно 20 работников. Неформальные контакты, установленные с представителями местных служб, позволяли заранее узнавать о намечающихся проверках, поэтому работников, у которых не было надлежащим образом оформленных документов, успевали спрятать в подземных овощехранилищах, которые располагаются в скрытой производственной части. Однако в регионе постепенно вводили изменения в условия квотирования для китайских сельскохозяйственных рабочих. В Иркутской области в 2010 году было выделено 600 квот для граждан Китая, в 2011 году квоты сократили вдвое, при этом фактическое количество превышало количество квотных мест [18]. В той же Иркутской области в 2014 году произошло полное обнуление квотирования [17]. В Красноярском крае в 2012 году въезд и ввоз китайских рабочих для привлечения их к работе в овощеводстве также был запрещен. Такая по-

⁴ Российский интернет-сервис для размещения объявлений о товарах, недвижимости, вакансиях и резюме на рынке труда, а также услугах от частных лиц и компаний и тп.

литика, с одной стороны, действительно вызвала сокращение китайских сельскохозяйственных рабочих, с другой стороны, спровоцировала появление новых неформальных связей и отношений с местными, которые стали помогать в организации въезда сельхозмигрантов, например, по квотам на строительных рабочих [20] или в качестве работников предприятий по лесопереработке. Китайские лесозаготовители охотно содействуют своим соотечественникам вдали от родины, и местная деревенская власть, участковые и "свои" люди в региональных госорганах охотно "помогают" им за денежные вознаграждения. Хозяин бизнеса идет на риск, но вынужден приглашать из Китая мастеров, которые умеют работать с землей, выращивать овощи по китайским технологиям, следить за процессом производства и руководить наемными работниками. Сложившиеся неформальные связи с представителями местной власти выручают китайского предпринимателя, но при этом увеличивают риски и финансовые затраты, которые усугубил российский валютный кризис 2014 года, что стало еще одним основанием для сокращения числа китайских рабочих. Экономически невыгодные условия, как для организатора бизнеса, так и для работников, спровоцировали искать альтернативные источники по привлечению рабочей силы.

Попытки привлечь местное население в целом не увенчалась успехом. Местные жители, которые соглашались на такую работу, принадлежали к люмпенизированным слоям населения – без постоянной занятости, с алкогольной аддикцией, они не были надежными работниками, что вносило дополнительные риски в сельскохозяйственное производство. В итоге остались только несколько человек из местных, которые на постоянной основе трудились на предприятии в сельскохозяйственный сезон, а также присматривали за хозяйством в несезонное время. Решение нашлось в лице узбекских мигрантов. Распад Советского Союза повлек падение экономик стран центральноазиатского региона, и после первой волны вынужденной миграции русскоязычного населения в современной России можно было наблюдать вторую волну трудовой миграции из этих стран [29]. Связующим элементом сетей мигрантов стал человек, который занимается размещением и сопровождением узбекских рабочих. Этнический узбек, всю жизнь проживающий в России, он одновременно является представителем государственных институтов и обладателем обширных личных связей в Узбекистане и в России. С его помощью узбекские бригады стали основной рабочей силой "китайского" хозяйства. Китайскому работодателю не приходится тратить усилия и деньги на их официальное оформление и подготовку документов, они нанимают тех, кто в данный момент находится на заработках в России. Таким образом, основную часть рабочей силы составляют узбекские, и незначительную часть – местные работники, все они находятся под руководством трех-четырёх китайских мастеров.

Внешние контакты с местными органами власти, с выходцами из Китая и стран Центральной Азии – все это обнаруживает пространство неограниченных возможностей. Организатор сельскохозяйственного предприятия, будучи включенным в это пространство, за короткое время может решить любую возникающую проблему. Это распространяется и на работников. Китайские, узбекские и местные работники не просто трудятся на одной территории, проживая в параллельных реальностях, а взаимодействуют друг с другом, разделяя обязанности и быт. Кроме того, они включаются в местные сети. Продавщицы деревенских магазинов могут рассказать, кто из них является завсегдаем, какие продукты они обычно покупают. Знакомятся с местными девушками, даже есть несколько русско-китайских семей, где муж китаец, а жена местная деревенская женщина. Таким образом, на основе заброшенного колхозного участка трансформируется и перестраивается "китайское" тепличное хозяйство, представляя собой место смешения отличающихся друг от друга культур, языков и практик.

В конце сельскохозяйственного сезона, с конца августа до середины сентября, появляется первый урожай. Перед предпринимателем возникает новая задача – продажа продукции, а значит, необходимость включаться во внешние сети. Часть урожая продается на овощной базе, которую местные называют "китайская оптовка" или "китайская овощебаза". Оттуда через российских оптовых закупщиков и посредников расходуется по супермаркетам и городским рынкам. Часть продукции распространяется через местных жителей,

в том числе бабушек – бывших колхозных работников, которые тоже являются частью разрушенной сетевой структуры советского прошлого, торгующих на стихийных придорожных и городских рынках [36]. Часть продукции "по специальной цене уходит своим китайцам", которые приезжают на производство и даже могут самостоятельно собрать урожай в теплицах и на полях. Какая-то часть продукции реализуется прямо со склада, о котором упоминалось выше. Удобный подъезд к складу, его видимое местоположение позволяют выполнять функцию точки сбыта продукции, куда подъезжают как легковые автомобили, так и большие фуры тех, кто закупает овощи оптом. Продукция благодаря этому расходуется по другим регионам на протяжении всего года⁵.

Бывшие советские постройки внутри хозяйства – колхозные амбары – выступают пространством хранения техники, инструментов и части собранного урожая. И в этом смысле равным образом детерминируют организацию и практики внутренних сельскохозяйственных и процессов жизнедеятельности. Вместе с тем вокруг них выстраивается новая инфраструктура, большую часть материалов для строительства которой привозят из Китая. Считается, что качество привозимых материалов лучше тех, которые можно купить в России, а цена дешевле даже с учетом затрат на логистику. Исключение составляет древесина, которую закупают на месте у "своих китайцев", занимающихся деревоперерабатывающим производством в Сибири. Помимо материалов для строительства из Китая также везут инструменты, малогабаритную технику, семена и др. Заказывают их у знакомых трейдеров, которые занимаются поставкой товаров в одном из приграничных китайских городов. Предприниматель предпочитает задействовать неформальные каналы поставки с целью сокращения денежных и временных затрат. Как мы видим, тепличные хозяйства успешно оказываются встроенными, как в локальные, транслокальные, так и в транснациональные неформальные сети.

Заключение

Отвечая на поставленные вопросы при исследовании китайского присутствия в сельском хозяйстве Сибири удалось понять, что материальные акторы могут быть действующими и играть значительную роль в создании и поддержании связей и отношений. В терминологии Деланда они становятся важными акторами, территориализующими ассамбляж. В описанном случае таковыми выступают сооружения и инфраструктура на руинизированном социоматериальном ландшафте, образованном распадом советской сельскохозяйственной системы. Разваленные сети коммуникации, а также заброшенные объекты инфраструктуры оказываются, также как и люди [38], исключенными из формальных процессов, производственных цепочек и сетей и находят свое второе рождение в поле неформальной экономики. По законам рыночной самоорганизации бывшие колхозные участки становятся уникальными местами смешения людей, объектов, технологий, создавая "пространства возможностей" для новых сетевых переплетений. Представленный эмпирический случай позволяет распаковать это "пространство возможностей", и мы обнаруживаем, что "китайское" хозяйство одновременно является самостоятельным актором, встроенным в транснациональные, транслокальные [6] и локальные сети. Более того, материальные объекты инфраструктуры становятся посредниками и неотъемлемыми компонентами, объединяющими внутренне и внешне сетевые пространства.

Исследования неформальной и теневой экономики [9], изучение конкретных кейсов остаются актуальными в настоящее время. Открывшаяся картина по итогам проведенной работы позволяет сказать, что применение теорий "материального поворота" и попытка переосмысления участия нечеловеческих акторов в процессах самоорганизации в государственной тени расширяет пути понимания в рамках существующих концептуальных рамок. Ассамбляжный подход позволил продемонстрировать сложность и множественность взаимодействий в противоположность подходов, основанных на противопоставлениях бинарной логики, ограничивающих области возможных открытий.

⁵ Перед новым годом, например, цена на овощи возрастает, и прибыль предприятия растет.

Литература

1. Авдашкин А.А. "Китайский" рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 147–156.
2. Авдашкин А.А. "Китайские" теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 179–187.
3. Аллатов А.А. Земельная реформа в новой России. Москва: АКДИ "Экономика и жизнь". 2005. 336 с.
4. Бляхер Л.Е. Общество за пределами статистики // Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 188–193.
5. Габдрахманов О.Ф. Сетевая экономика: особенности и виды неформальных экономических сетей в сфере услуг // Вестник университета. 2017. № 3. С. 42–47.
6. Григоричев К.В. "Они есть, но их нет": "китайские" теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 137–153.
7. Григоричев К. В. "Полугородские фермеры" и "Китайцы-огородники": постколхозная рента в неформальной экономике пригорода // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 119–137.
8. Григоричев К.В. "Неправильные" китайцы и "захваченный" город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с другим // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 593–608.
9. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. Пер. с англ. Б. Пинскер. Москва: Catallaxy, 1995. 215 с.
10. Димке Д.В. Летние трудовые школьные лагеря начала 1960-х годов как анклав советского идеализма // Вестник Пермского Университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 138–147.
11. Дятлов В.И., Григоричев К.В. Предисловие редакторов // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 7–10.
12. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири // Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп. Москва: Новый хронограф, 2016. С. 161–187.
13. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис: Журнал о будущем, 2007. № 1. С. 252–277.
14. Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного Института, 2015. № 2 (26). С. 51–59.
15. Зуенко И.Ю., Сонин В.В. Правовые ограничения и неформальные практики землепользования китайских фермеров на Дальнем Востоке России // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 57–65.
16. Калугина З.И., Фадеева О.П. "Hard luck story" брошенных деревень (социологический очерк) // Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 79–96.
17. Квоты 2014 – Губернатор: В Иркутской области квоты на иностранную рабочую силу, занятую в сфере сельского хозяйства, в 2014 год не будет // Иркутская область. Официальный портал. 07.02.2014. URL: <https://irkobl.ru/news/archiv/60535/>. (дата обращения: 20.02.2023).
18. Макеева С.Б. Рабочая сила из Китая на рынке труда Иркутской области: опыт социально-экономического анализа // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2011. № 7. С. 82–86.
19. Михель Е.А. Интенсификация социально-трудовой мобильности населения приграничных регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 45. С. 16–21.
20. Муратшина К. Г. Гуманитарные и экологические риски использования труда мигрантов в сельском хозяйстве России (на примере сотрудничества с КНР) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2015. № 8. С. 172–182.
21. Никольский С.А. Аграрный вопрос в России в XX веке. История, современное состояние, стратегии решения. Издание второе. Москва: УРСС, 2012. 136 с.
22. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология, 2003. Т. 4. № 5. С. 34–53.
23. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 5. С. 7–35.
24. Тимошкин Д. О. Новая "желтая угроза": китайский туризм в дискурсе российских СМИ // Россия и Китай: вызовы глобализации, перспективы сотрудничества в сибирско-дальневосточном пространстве. Иркутск, 2018. С. 54–61.
25. Узун В.Я. Последствия институциональных реформ в АПК России: изменения в аграрной структуре и поведении сельхозпроизводителей // Никоновские чтения. 2006. № 11. С. 18–24.
26. Фадеева О. П. Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 61–93.

27. Фадеева О.П. Земельный вопрос на селе: наступит ли "момент истины"? // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 50–71.
28. Чугунов Д. Городской мальчик на картошке // Архипелаг колхоз. Москва: Издательство Истоки, 2017. С. 156–159.
29. Эргешбаев У.Ж. Современная трудовая миграция населения стран Центральной Азии в Россию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Экономика. Информатика. 2009. Т. 10-1, № 7 (62). С. 74–81.
30. Barsukova S. Shadow Labor Market: Problems of Legalization // Studies on Russian Economic Development. 2003. V.14. № 1. P. 85–93.
31. DeLanda M. A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity. Bloomsbury Publishing, 2019.
32. DeLanda M. Assemblage theory. Edinburgh University Press, 2016.
33. Gery C. Petty production and capitalist production in Dakar: the crisis of the self-employed // World development. 1978. v.6. № 9-10. P. 1147–1160.
34. Gershuny J. After industrial society? The emerging self-service society. London: Macmillan, 1978.
35. Ghoddousi P., Page S. Using ethnography and assemblage theory in political geography // Geography Compass. 2020. v.14. № 10. P. 1–13.
36. Grigorichev K., Koreshkova I. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // Inner Asia. 2022. v. 24. № 1. P. 31–52.
37. Grossman G. The "Second economy" of the USSR // The Soviet Economy. Routledge, 2019. P. 71–93.
38. Hart K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana // The journal of modern African studies. 1973. v. 11. № 1. P. 61–89.
39. Ivanov S.A. Chinese Peasants and Chinese Agrarian Capitalism: Simulacra of Agriculture in the Russian Far East // Russian and Chinese Studies. 2022. v.6. № 4. P. 241–254.
40. Pahl, R.E., Wallace C. D. Household work strategies in an economic recession // Beyond employment: household, gender and subsistence. Wiley-Blackwell, 1985. P. 182–227.
41. Pahl R. E. Some remarks on informal work, social polarization and the social structure // International Journal of Urban and Regional Research. 1988. V. 12. № 2. P. 247–267.
42. Portes, A. "The Informal Economy" in Exploring the Underground Economy. Susan Pozo, ed. Michigan: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1996. Ch.7. P. 147–165.
43. Roberts B. Informal economy and family strategies, 1994.
44. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does china matter? // Eurasian Geography and Economics, 2022. P. 1–27.
45. Sedova N. Informal Economy in the Theory to the Russian Practice // Social Studies and Contemporary. 2002. № 3. P. 49–58.
46. Tsing A. L. The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins. Princeton University Press, 2015. 352 p.
47. Wang C. Introduction: The "material turn" in migration studies // Modern Languages Open. 2016. P. 1–11.

References

1. Avdashkin A. A. The "Chinese market" in the space of Russian city (the case of Chelyabinsk) // Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography, 2020. № .2(49). P. 147–156. (In Russ.).
2. Avdashkin A. A. "Chinese" greenhouses in rural space of Russian region (the case of Chelyabinsk region) // Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography, 2021. № .1(52). P. 179–187. (In Russ.).
3. Alpatov A. A. Land reform in New Russia. Moscow: ACDI Ekonomika i Zhizn, 2005. 336 p. (In Russ.).
4. Blyakher L. E. Society Beyond Statistics // World of Russia, 2017. v. 26. № .2. P. 188–193. (In Russ.).
5. Gabdrakhmanov O. F. Network economy: features and types of informal economic networks in services // University Herald, 2017. № 3. P. 42–47. (In Russ.).
6. Grigorichev K. B. "They are, but they are not": "Chinese" greenhouses in the space of suburbs // Ethnographic Review, 2016. № 4. P. 137–153. (In Russ.).
7. Grigorichev K. B. "Semi-urban Farmers" and "Chinese Gardeners": Post-Kolkhoz Rent in the Informal Economy of the Suburbs // Siberian Historical Studies, 2017. № 1. P. 119–137. (In Russ.).
8. Grigorichev K. B. "Wrong" Chinese and the "invaded" city: contestation of urban space as the development of practices of interaction with the other // Journal of Social Policy Research, 2020. v. 18. № 4. P. 593–608. (In Russ.).
9. De Soto H. The other path. The invisible revolution in the Third World. Translation by B. Pinsker. Moscow: Catallaxy, 1995. 215 p. (In Russ.).

10. Dimke D.V. Summer labor school camps of the early 1960s as enclaves of Soviet idealism // *Vestnik of Perm University. Series: History*, 2013. № 2 (22). P. 138–147. (In Russ.).
11. Dyatlov V.I., Grigorichev K.V. Editors' introduction // *Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place* / ed. by V.I. Dyatlov, K.V. Grigorichev. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. P. 7–10. (In Russ.).
12. Dyatlov V. I. Cross-border Migrants in the Urban Space of Siberia // *Identification Strategies of Diaspora and Compatriot Groups in Russian Regions*. Moscow: New Chronograph, 2016. P. 161–187. (In Russ.).
13. Zagrebnoy, E. The economic organisation of Chinese migration to the Russian Far East after the collapse of the USSR // *Prognosis: Journal for the Future*, 2007. № 1. P. 252–277. (In Russ.).
14. Zuenko I.Yu. Chinese presence in the agriculture of the Far East: some aspects of the problem // *Izvestia of the Oriental Institute*, 2015. № 2(26). P. 51–59. (In Russ.).
15. Zuenko I. Yu., Sonin V. V. Legal constraints and informal land-use practices of Chinese farmers in the Russian Far East // *Law Enforcement*, 2017. T.1. № 1. P. 57–65. (In Russ.).
16. Kalugina Z.I., Fadeeva O. P. "Hard luck story" of abandoned villages (sociological essay) // *Region: Economics and sociology*, 2006. № 3. P. 79–96. (In Russ.).
17. Quotas 2014 – Governor: There will be no quota for foreign labour for agriculture in the Irkutsk region in 2014 // Irkutsk region. Official Portal. 07.02.2014. URL: <https://irkobl.ru/news/archiv/60535/>. (accessed 13.07.2023); (In Russ.).
18. Makeeva S.B. The labor force from China in the labor market of the Irkutsk region: the experience of socio-economic analysis // *Strategy of sustainable development of Russian regions*, 2011. № 7. P. 82–86. (In Russ.).
19. Mikhel E.A. Intensification of social and labor mobility of the population of border regions // *Regional Economy: Theory and Practice*, 2011. № 45. P. 16–21. (In Russ.).
20. Muratshina K. G. Humanitarian and ecological risks of using migrant labour in agriculture in Russia (by the example of cooperation with China) // *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, 2015. № 8. P. 172–182. (In Russ.).
21. Nikolsky S.A. *The Agrarian Question in Russia in the Twentieth Century. History, modern state, strategies of solution*. Second edition. Moscow: URSS, 2012.
22. Portes A. Informal Economy and its Paradoxes // *Economic Sociology*, 2003. v. 4. № 5. P. 34–53. (In Russ.).
23. Ryzhova N.P. Land and Power: Differences in Approaches to the Study of Property (The Case of Informal Land Use by Chinese Farmers) // *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014. v. 17. № 5. P. 7–35. (In Russ.).
24. Timoshkin D.O. O. "The new yellow threat": Chinese tourism in the discourse of Russian media // *Russia and China: Challenges of globalization, prospects for cooperation in the Siberian and Far East space*, 2018. P. 54–61. (In Russ.).
25. Uzun V.Ya. Consequences of institutional reforms in the agroindustrial complex of Russia: changes in the agrarian structure and the behavior of agricultural producers // *Nikonov Readings*, 2006. № 11. P. 18–24. (In Russ.).
26. Fadeeva O.P. Informal Employment in Siberian Village // *Economic Sociology*, 2001. v. 2. № 2. P. 61–93. (In Russ.).
27. Fadeeva O.P. P. The land issue in the countryside: will the "moment of truth" come? // *Economic Sociology*, 2009. v.10. № 5. P. 50–71. (In Russ.).
28. Chugunov D. *City Boy on Potatoes* // *Kolkhoz Archipelago*. Moscow: Izdatelstvo Istoki, 2017. P. 156–159. (In Russ.).
29. Ergeshbaev U.J. Modern Labour Migration of the Population of Central Asia to Russia // *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Ser. Economy. Informatics*, 2009. v.10-1, № 7 (62). P. 74–81. (In Russ.).
30. Barsukova S. Shadow Labor Market: Problems of Legalization // *Studies on Russian Economic Development*, 2003. v. 14. № 1. P. 85–93.
31. DeLanda M. *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. Bloomsbury Publishing, 2019.
32. DeLanda M. *Assemblage theory*. Edinburgh University Press, 2016.
33. Gerry C. Petty production and capitalist production in Dakar: the crisis of the self-employed // *World development*, 1978. v. 6. № 9–10. P. 1147–1160.
34. Gershuny J. *After industrial society? The emerging self-service society*. London: Macmillan, 1978.
35. Ghoddousi P., Page S. Using ethnography and assemblage theory in political geography // *Geography Compass*, 2020. v. 14. № 10. P. 1–13.
36. Grigorichev K., Koreshkova I. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // *Inner Asia*, 2022. v. 24. № 1. P. 31–52.
37. Grossman G. *The "Second economy" of the USSR* // *The Soviet Economy*. Routledge, 2019. P. 71–93.
38. Hart K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana // *The journal of modern African studies*, 1973. v. 11. № 1. P. 61–89.

39. Ivanov S.A. Chinese Peasants and Chinese Agrarian Capitalism: Simulacra of Agriculture in the Russian Far East // *Russian and Chinese Studies*, 2022. v.6. № 4. P. 241–254.
40. Pahl, R.E., Wallace C. D. Household work strategies in an economic recession // *Beyond employment: household, gender and subsistence*. Wiley-Blackwell, 1985. P. 182–227.
41. Pahl R. E. Some remarks on informal work, social polarization and the social structure // *International Journal of Urban and Regional Research*, 1988. v. 12. № 2. P. 247–267.
42. Portes, A. "The Informal Economy" in *Exploring the Underground Economy*. Susan Pozo, ed. Michigan: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1996. Ch. 7. P. 147–165.
43. Roberts B. *Informal economy and family strategies*, 1994.
44. Ryzhova N., Ivanov S. Post-Soviet agrarian transformations in the Russian Far East. Does china matter? // *Eurasian Geography and Economics*, 2022. P. 1–27.
45. Sedova N. Informal Economy in the Theory to the Russian Practice // *Social Studies and Contemporary*, 2002. № 3. P. 49–58.
46. Tsing A. L. *The mushroom at the end of the world: On the possibility of life in capitalist ruins*. Princeton University Press, 2015. 352 p.
47. Wang C. Introduction: The "material turn" in migration studies // *Modern Languages Open*, 2016. P. 1–11.

Информация об авторах

Юлия Олеговна Корешкова, аспирант Университета Палацкого, г. Оломоуц, Чехия, e-mail: yuliakodzhaeva@yandex.ru

Information about the authors

Iuliia O. Koreshkova, Postgraduate Student, Palacky University, Olomouc, Czech Republic, e-mail: yuliakodzhaeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.06.2023

Одобрена после рецензирования 17.08.2022

Принята к публикации 24.08.2023

Received 30.06.2023

Approved 17.08.2022

Accepted 24.08.2023